

Юрий Арабов

Перемена погоды

Несколько штормов

О. К.

1

Море идет на тебя волной,
подшив с изнанки себя фольгой.
Прибой, как вафли, печет волну,
кладя, как снайпер, одна в одну.

Бильярдный мастер и ас стрельбы,
постигнув чувством нарез резьбы,
стреляют мимо, но пуля их
бьет, хоть и криво, мишень под дых.

Луна притягивает волну,
бросая сверху ее ко дну.
Когда ж сдувается, словно мяч,
волна меняет разгон на скач.

Галоп – на цыпочки, а потом
ленивым пятится вспять котом.
Оно наелось за эти дни
камнями, баржами и людьми.
Надеждой тихой на полный штиль...
Оно, объевшись, уходит в тыл.
Оно у Бога сейчас в руках,
и Бог меняет азарт на страх.

2

Корабли, как сломанные лекала,
падают в складку волн.
Потому что любовники, спрятанные под одеялом,
создают на поверхности сильный шторм.
Страсть их обоих – двенадцать баллов,
и море здесь ни при чем.

Когда же уляжется эта страсть,
придет безветрие, полный штиль.
Море, не знающее, где упасть,
из себя выталкивает утиль:
резинки, лифчики на меху
и все, что примазывается к греху.

Родятся дети. Одни из них косяком
заходят в сеть, не успев вздохнуть.
Другие, балуясь косяком,
идут сверхсрочником в глубину.
Там у былинных глухих существ
они строят норы из антивеществ.

Дельфин – архангел из черной глыбы –
хранит ставриду от крупной рыбы.
Но проблема в том, что дельфинов съели.
Болгары выбили их на мели,
они не могут не есть от пуза,
и это проблема для Евросоюза.

Болгары гмыркают в седой волне.
Они так плавают, словно кол.
Их можно всегда отыскать на дне,
если доверишься воле волн.

Им страшно море, когда оно
шумит, как вечность, а русский здесь
всё бродит, розовый, как вино,

и за дельфинов готовит месть.
Герои Шипки встают из скал
и перед боем закуривают «Опал».

3

Есть болгары и есть протоболгары.
Их предводитель – хан Аспарух.
Они шли из Казани на здешние скалы.
Море им не понравилось, потому что в море плывут.
Ну и сидели бы у себя в курултае,
а здесь бы греки выпили весь «Мавруд».

Бремя выпитого вина
равняется бременю сокрушительного пожара,
где старт бежит впереди бегуна,
как написал бы про это Жданов.
Вино зовет на поминки тех,
кто пил, как море, один за всех.

4

На улице Шипки пустые стулья
стоят, где брошенные дома.
Как будто бы затрутневели ульи
и пчелы-трудяги вылетели умирать.
Я захожу в нежилой дом
и сажусь, как призрак, на пустой стул.
И чувствую – это не мой объем,
этот – велик, ну а тот сутул.

Здесь долго сидели и пили люди,
может быть, даже мои друзья.
Осколки валяющейся посуды –
бомбоубежище для муравья.

На этом, может, ругались все,
на том сидели, любя, вдвоем...
Чтобы почувствовать жизнь чужую,
просто впишитесь в чужой объем,

а потом убегайте с билетом до Барнаула...
Мимолетная магия – свойство пустого стула.

5

Нужно лететь. Море зализывает воронки,
как после точечной бомбардировки.
С пляжа свозят шезлонги, и их скелет
напомнит о мясе, кого здесь нет,
кто был поджарен в своих сюжетах.
Барашки с надписями на манжетах
уносят перечни адресов
к престолу Ангела Полюсов.

Москва

